

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ МЕМУАРОВ.

Вспомнить подлинные мысли и слова Ньютона — лучший способ почтить память величайшего естествоиспытателя. Писания Ньютона и книги о Ньютоне основательно забыты, о них помнят только немногие, главным образом историки науки. Глубоко различна судьба великого поэта и великого ученого. Мы помним каждое слово Горация, Шекспира, Пушкина, комментирована каждая строка, малейший вариант их литературного наследия, и поэт прав, предсказывая

Так! Весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти сгнет жить.

Совсем иное в науке Единственное большое собрание творения Ньютона издано в XVIII веке и с тех пор не перепечатывалось, полного же собрания не существует, письма Ньютона разбросаны по разным редким изданиям, архив Ньютона в значительной части не издан. А что помнит физик, астроном и математик во многих случаях (если не в большинстве) о Ньютоне? Законы механики и тяготения, опыты с призмой, интерференционные кольца, что-то о спорах Ньютона с Лейбницем и вольтеровский анекдот о яблоке. Вместо живого образа небывалой творческой напряженности — примитивная схема элементарного учебника. Слава ученого, осуществляющаяся главным образом предисловием „закон такого-то“, — только жалкая тень живой славы поэта.

Причины этого неизбежны, их много, но главная — стремительное развитие науки. В науке мы живем настоящим, передовые линии, особенно в наши дни, непрерывно переносятся, а трофеи тыла остаются неразборчивыми в тиши и пыли библиотек. В 1761 г. Ламберт писал Эйлеру (по поводу своей „Фотометрии“), Если я пользуюсь иногда ньютоновскими терминами, то это, примерно, то же, что применение системы Птолемея в сферической астрономии“, а позднее Гете называл „Оптику“ Ньютона „старым гнездом крыс и сов“. Но в истории науки совершаются иногда неожиданные вещи. Оптика Ньютона для нас в эпоху теории световых квантов и „волновой механики“ значительно ближе, чем оптика Эйлера, не говоря уже о Гете. Знакомство с ньютоном имеет интерес не только исторический, но и современный.

Мы выбрали для перевода два совершенно разнохарактерных мемуара Ньютона. „Теория света и цветов“ — первое печатное сообщение Ньютона. Эта теория, в которой „домыслы не смешиваются с достоверностями“, останется навсегда живой и непоколебленной, сохраняя свою роль в науке, как механика и термодинамика, чтобы с наукой ни случилось. Со стороны формы — это прекраснейший образец простого, ясного, краткого и до конца откровенного изложения. „Этот мемуар, — пишет Розенбергер, — совершенно своеобразен, другого подобного Ньютон не писал. Он полон любезной откровенности, живо передает радость открытия, подробно изла-

гает все неудачные предположения и медленное достижение истины... Никогда впоследствии не рассказывал Н ь ю т о н столь непринужденно развитие своих открытий“.

Совсем иной характер второго мемуара. Это гипотеза о природе света, написанная тем, кто сказал „*hypotheses non fingo*“. В противоположность „достоверности“ первого мемуара, Н ь ю т о н просит „не смешивать гипотезы с его другими рассуждениями или судить об их достоверности по гипотезе“, он даже не считает себя обязанным отвечать на возражения против этого мемуара. Мемуар не был напечатан при жизни Н ь ю т о н а, не вошел в собрание его оптических сочинений *) и напечатан только в 1752 г. в Истории Королевского Общества, откуда и сделан перевод. Здесь излагается всеобъемлющая гипотеза эфира, объясняющая тяготение, электричество, свет, животные процессы и пр., здесь же дан набросок компромиссной корпускулярно-волновой теории света, представляющей по своей основной мысли большой интерес для современника.

Различные, главным образом исторические, сведения, поясняющие мемуары, собраны в примечаниях, помещенных в конце текста.

Переводить Н ь ю т о н а не легко, приходится искать средней линии между подстрочным переводом и нежелательной модернизацией, но, говоря словами одного переводчика XVIII века: „Самым худым переводом гораздо больше можно пользоваться, нежели ничем“.

С. Вавилов.